



УГОЛОВНЫЙ РОЗЫСК



Петроград - Ленинград - Петербург



Сборник

**Уголовный розыск. Петроград
– Ленинград – Петербург**

«Издательство АСТ»

2011

Сборник

Уголовный розыск. Петроград – Ленинград – Петербург /
Сборник — «Издательство АСТ», 2011

Созданный в 1918 году уголовный розыск Петрограда – Ленинграда – Петербурга с первых дней своего существования вот уже 90 лет ведет беспощадную борьбу с преступностью. Яркие эпизоды этого противостояния, рассказывающие об истории раскрытий громких уголовных дел, включены в данный сборник. Вы узнаете: Как были разгромлены банды легендарных Леньки Пантелеева, Чугуна и Ваньки Белки. Как сыщики идут по следам сексуальных маньяков и серийных убийц. Как работают «под прикрытием» сотрудники угрозыска. Как берут с поличным грабителей и налетчиков. Об этом и многом другом читайте в книге «Уголовный розыск. Петроград – Ленинград – Петербург».

Содержание

Любимый город может спать спокойно...	5
«За Веру, Царя и Отечество!»	8
«Рожденный революцией...»	11
Конец банды Чугуна	15
«Самочинщик» Ванька Белка	18
Дело шайки Леньки Пантелеева	21
Как они бежали	27
Во тьме	28
Путь побега	29
Последняя повесть	30
После побега	30
«Модное» занятие	31
Встреча с надзирателем Кондратьевым	32
Шайка организована	32
Случай у «Донона»	33
Счастье помогло	34
Конец «славы»	34
Чуть не попался	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Уголовный розыск. Петроград – Ленинград – Петербург

Любимый город может спать спокойно...



Уважаемые читатели!

5 октября 2008 года исполняется 90 лет со дня образования одной из самых легендарных служб органов внутренних дел – уголовного розыска. Его становление проходило в тяжелейшее для Страны Советов время. Война с внешними врагами, разруха в промышленности и сельском хозяйстве, разгул преступности – лишь отдельные штрихи той эпохи.

Распустив царскую сыскную полицию и отвергнув поначалу методы ее деятельности, новая власть приняла решение о создании рабочей милиции. Но постепенно, шаг за шагом, сотрудники уголовного розыска в «боевых» условиях постигли науку раскрытия преступлений и вобрали бесценный опыт сыщиков русской полиции.

С годами, с приобретенным опытом структура и функции угрозыска менялись. Если в начале пути красным сыщикам вменялась только «охрана революционного порядка путем негласного расследования преступлений уголовного характера и борьба с бандитизмом», то чуть позже при уголовном розыске создали кабинеты судебной экспертизы. В 1920-е годы в аппарате розыска ввели бригадный принцип работы. Особый упор был сделан на борьбу с бандитизмом. Ярчайшим примером успешной деятельности бригадмильцев служит ликвидация банды Леньки Пантелеева.

Во второй половине 1930-х именно из уголовного розыска получила путевку в жизнь служба БХСС. Однако этот период был омрачен кадровыми чистками, которые затронули и сотрудников угрозыска.

Немало талантливых энергичных оперативников неожиданно оказались «врагами народа», были расстреляны либо стали узниками ГУЛАГа.

Это «красное колесо» репрессий проехало по всему личному составу уголовного розыска, и восполнить потери в короткие сроки было крайне затруднительно. Тем более что впереди ждало куда более суровое испытание – Великая Отечественная война, блокада Ленинграда. На долю сотрудников угрозыска, которые не ушли на фронт, выпала сложная задача. Наряду с борьбой с «традиционной» уголовщиной им предстояло противостоять сопутствующим военному времени преступлениям – мародерству, дезертирству, диверсиям. Несмотря на исключительные условия работы – голод и холод, бомбежки и артобстрелы, – оператив-

ный состав ленинградского уголовного розыска, не жалея сил и здоровья, с честью выполнил поставленные задачи. Так, средняя раскрываемость квартирных краж, одного из самых распространенных в ту пору преступлений, доходила до 70 процентов, а проявления бандитизма раскрывались практически все.

Умелые, профессиональные действия оперативников сохранили жизни тысячам жителей блокадного города – сотрудники угрозыска ликвидировали множество преступных групп, специализировавшихся на хищении продуктов питания, хлебных карточек. За годы войны у криминального элемента было изъято свыше 16 миллионов рублей, десятки килограммов золота и драгоценностей.

Непростой выдалась и послевоенная пора. Население имело на руках значительные оружейные арсеналы, условия жизни подавляющего большинства горожан были очень сложными, что влекло за собой бандитские и разбойные нападения. Но сотрудники уголовного розыска, получившие подкрепление из числа вернувшихся фронтовиков, достаточно быстро подавили всплеск криминальной активности, дав возможность горожанам «поднимать» любимый Ленинград.

Дальнейший период характеризовался как «эпоха структурных перемен», когда уголовный розыск то входил в состав Министерства государственной безопасности, то вновь возвращался в систему органов внутренних дел. Подобные шаги зачастую не приносили ожидаемого результата, влекли лишь очередную кадровую ротацию. Но уголовный розыск Ленинграда, несмотря ни на что, остался боеспособной единицей.

Очередной прогрессивный импульс был задан в середине 1950-х годов, когда в уголовном розыске были предприняты меры по укреплению линейных направлений борьбы с преступностью, последовательно внедрялись новые формы и методы работы. В повседневную деятельность уголовного розыска прочно вошли современные для того времени научно-технические средства.

Шли годы, развивалась страна, а вместе с ней и уголовный розыск. Менялись руководители, напряженная работа оперативников проходила на фоне «очередной» кардинальной реорганизации как милиции в целом, так и ее ведущего подразделения – уголовного розыска. В 1966 году с приходом к руководству Министерством охраны общественного порядка (старое название МВД) Н. А. Щелокова начался новый виток укрепления системы органов внутренних дел. Милиция в целом и в первую очередь служба уголовного розыска была поднята на качественно иной уровень. Пристальное внимание уделялось техническому вооружению. Именно в этот период улучшилась оснащенность оперативников автотранспортом, специальной техникой и средствами связи.

Но всякая аппаратура без человеческой мысли останется лишь банальным прибором. Поэтому трудно переоценить вклад энтузиастов-оперативников нашего Главка, которые искали новые пути в работе. Многие новации, связанные с раскрытием преступлений, розыском преступников, созданием поисковых систем, появляются изначально в ленинградском уголовном розыске. Характерно, что ленинградская школа оперативников всегда была на высоком счету благодаря их высокому профессионализму, умению находить нестандартные пути для изобличения преступников.

Сформированный в те годы потенциал уголовного розыска на долгие времена предопределил высокую эффективность его работы.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов в условиях резкого экономического спада и политических катаклизмов произошли негативные изменения и в уголовном розыске. Сотрудники стали привлекаться к выполнению несвойственных задач – участию в пресечении межнациональных конфликтов в «горячих точках» Советского Союза. А после его распада ситуация заметно усугубилась глубоким экономическим кризисом и криминальным переделом собственности. Весь этот «букет» проблем, включая мизерную зарплату сотрудника милиции,

крайне слабое материально-техническое обеспечение при значительно возросшем вале преступности predetermined отток квалифицированных кадров.

Но как бы ни было трудно, какие бы препятствия ни вставали на пути сотрудников теперь уже питерского ГУВД, они с честью несут высокое звание «опера» – сыщика, оперуполномоченного уголовного розыска.

Ленинградский, петербургский уголовный розыск во все времена выгодно отличали люди, которые в нем работали. Многие из них посвятили служению уголовному розыску всю свою трудовую жизнь. Это настоящие Профессионалы, энтузиасты своего дела, способные сутки напролет пробиваться к цели, не жалея здоровья и сил, не прося взамен наград.

Эта книга именно о них, представителях такой важной и нужной службы – уголовного розыска.

*Начальник ГУВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области
заслуженный юрист Российской Федерации
генерал-лейтенант милиции
В. Ю. Пиотровский*

«За Веру, Царя и Отечество!»

27 мая 1718 года император Петр I подписал указ о создании полиции. Во главе полиции Санкт-Петербурга он поставил одного из своих любимцев – Антона Эммануиловича Дивьера, португальца по происхождению, будущего зятя князя Меншикова. От Петра I петербургский генерал-полицмейстер получил инструкцию из тринадцати пунктов. Ему, в частности, предписывалось пресечь разбои и грабежи, которые случались средь бела дня даже на главных улицах. В новую столицу на берегах Невы тогда со всех сторон хлынули воры и разбойники, которые растворялись в бесчисленных притонах и игорных домах. Их ловили, казнили, клеймили, бросали в тюрьмы, высылали, но меньше их почему-то не становилось.

По свидетельству очевидца, в Петербурге тогда по улицам и площадям постоянно слонялись «гуляющие люди», основными занятиями которых были воровство, пьянство и разгул. Положение стало настолько серьезным, что в конце концов на всех улицах были установлены рогатки, или шлагбаумы, которые опускались с одиннадцати часов вечера и поднимались лишь на рассвете. В этот период времени беспрепятственно пропускались лишь знатные персоны, команды солдат и врачи. «Подлые люди» могли ходить ночью лишь в случае крайней нужды и не более трех раз, в противном случае их брали под стражу. Фактически такое положение очень напоминало современный комендантский час. Однако несмотря на все принимаемые меры криминогенная обстановка оставалась серьезной.

Дивьер сумел наладить работу городской полиции, прежде всего патрульно-постовой службы, обеспечил ее форменным, отличным от армейского, обмундированием, четко разработал должностные обязанности сотрудников служб и подразделений полиции.

После смерти Петра I в январе 1725 года многие реформы, в том числе полицейская, были свернуты и не доведены до конца. Только с воцарением на престоле Екатерины II в 1762 году началось восстановление полицейского аппарата и придание ему черт, характерных для европейских полицейских служб.

Преемники Екатерины Великой – Павел I, Александр I, Николай I – уделяли полиции меньше внимания, и Александру II достался от них в наследство громоздкий и забюрократизированный полицейский аппарат. 4 мая 1866 года своим указом он упразднил должность генерал-губернатора, и вся власть, за исключением вопросов, касающихся военного ведомства, была передана в ведение обер-полицмейстера Санкт-Петербурга. Главной его обязанностью стала охрана общественного порядка и борьба с преступностью. Кроме того, обер-полицмейстер отвечал за снабжение Санкт-Петербурга продовольствием и топливом, за благоустройство города, за мощение улиц, соблюдение правил пожарной безопасности и здравоохранение.

В апреле 1866 года Санкт-петербургским обер-полицмейстером был назначен генерал-адъютант Федор Федорович Трепов. Происходя из обер-офицерских детей, он получил домашнее воспитание, а позже был определен в кондукторскую роту главного инженерного училища (впоследствии Николаевское инженерное училище). В ноябре 1828 года Федор Федорович поступил на службу копиистом в департамент государственных имуществ.

Но гражданская служба пришлась ему не по нраву, и в январе 1831 года он поступил вольноопределяющимся в Новгородский кирасирский полк. Участвовал во многих военных кампаниях. Был награжден чином корнета и орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Более семи лет командовал Жандармским полком. Исправлял должность обер-полицмейстера Варшавы. Приговаривался террористами к смерти. Во время одного из покушений, несмотря на полученное ранение, защитил свою дочь, при этом зарубил террориста его же оружием и задержал сообщника. В декабре 1863 года был назначен генерал-полицмейстером Царства Польского.

Получив назначение в Санкт-Петербург и ознакомившись с работой городской полиции, Трепов увидел ее низкую эффективность в борьбе с преступностью, которая принимала угрожающие размеры из-за большого притока пришлого люда, вызванного отменой крепостного права в 1861 году.

Профессиональная подготовка полицейских была низкой, целенаправленно ею не занимались. Личный состав получал нищенское жалование, и уровень коррупции был крайне высок. Все это не способствовало повышению авторитета полиции у жителей города.

Но имена некоторых чинов полиции, отличившихся в благородном деле сыска, вызывали не только благоговейный трепет у обывателей, но и уважение монарших особ – ими были стряпчий полицейских дел Кельчевский, квартальные надзиратели Шерстобитов и Путилин.

Трепов тщательно готовился к докладу у императора, которому представил компетентный, хорошо продуманный план реформирования работы полиции. Он предусматривал новое административное разделение Санкт-Петербурга, расширение штата городских, улучшение материального положения чинов полиции, в том числе повышение денежного содержания в 10–12 раз. Он решил вопрос профессиональной подготовки всего личного состава полиции, учредив Полицейский Резерв – учебное подразделение столичной полиции.

Один из выводов, которые сделал для себя Ф. Ф. Трепов, состоял в том, что в полиции необходимо создать специальное подразделение, сотрудники которого занимались бы раскрытием преступлений. 31 декабря 1866 года (12 января 1867 года по новому стилю) его приказом № 266 по Санкт-Петербургской столичной полиции была учреждена Сыскная полиция. Эта структура положила начало всем оперативно-розыскным подразделениям в системе МВД России.

Первым начальником Сыскной полиции был назначен титулярный советник Иван Дмитриевич Путилин, еще при жизни ставший легендой. Свою полицейскую службу он начал в чине коллежского регистратора с должности младшего помощника квартального надзирателя 4-го квартала 1-й Адмиралтейской части, затем был переведен во 2-й квартал 3-й Адмиралтейской части.

Вначале Путилин служил на знаменитом Сенном рынке, который был печально прославлен своими карманниками, аферистами и ворами всех мастей. Именно здесь начинающий сыщик оттачивал свое профессиональное мастерство. Он быстро приобрел авторитет у жителей

домов, прилегающих к Сенному рынку, и пользовался уважением у уголовников. Ему удалось главное – привлечь к работе группу энтузиастов, которые энергично и наступательно вели борьбу с уголовной преступностью. Путилин никогда не бил задержанных (что было нехарактерно для полиции того времени), терпеливо и внимательно выслушивал пострадавших.

К моменту назначения на должность начальника Сыскной полиции И. Д. Путилин был награжден за успехи в борьбе с преступностью четырьмя орденами Российской империи, вплоть до ордена Святого Владимира 4-й степени, дающего право на потомственное дворянство, несколько раз удостоивался высочайших благодарностей и монарших благоволений.

На счету «гения русского сыска» была ликвидация шайки «душителей», раскрытие убийства князя Людвиг фон Аренсберга, австрийского военного агента, и раскрытие дел «о безумной мести», «парголовских чертей», «дезертира», «разбойников». Он перехитрил мошенника, обманувшего отца Иоанна и архимандрита Мелентия, раскрыл тайну Охтинского кладбища и лично поймал знаменитого мошенника-убийцу, «короля воров» Домбровского, изобличил Квазимодо церкви Спаса-на-Сенной. Изловил петербургских вампиров-кровопийц.

Путилин наладил учетно-регистрационную работу Сыскной полиции, по мере сил использовал в своей работе все достижения зарождавшейся криминалистики, а главное – сумел сколотить небольшой, но высокопрофессиональный коллектив оперативников, который раскрывал самые сложные и запутанные преступления.

Уходя на заслуженный отдых, Путилин оставил после себя хорошо отлаженный механизм уголовного сыска, обладавшего мощными оперативными позициями в уголовной среде и способного решать самые сложные задачи в борьбе с преступностью.

Среди преемников И. Д. Путилина особо следует отметить Владимира Гавриловича Филиппова, который возглавлял Сыскную полицию Санкт-Петербурга с 1903 по 1916 год и сумел довести ее работу до наивысшей результативности за весь период ее существования.

Постоянно общаясь с коллегами из Европы, В. Г. Филиппов укрепил кадры классовых чинов полиции за счет выпускников высших юридических учебных заведений, а унтер-офицерские должности в сыскной полиции занимали лица, имевшие среднюю юридическую подготовку.

По инициативе Филиппова был создан питомник служебного собаководства. Он закрыл лабораторию громоздкого и малоэффективного бертильонажа (система антропологического измерения преступника с занесением данных в его личную карточку для последующей идентификации) и в кратчайшие сроки подготовил группу дактилоскопистов и специалистов по судебной фотографии, что позволило создать дактилоскопические столы и лаборатории судебной фотографии во всех территориальных подразделениях полиции столицы, а затем и по всей Российской империи. При нем же дактилоскописты получили на вооружение и дактилоскопическую пленку, которая используется и поныне.

Используя свой опыт борьбы с уголовной преступностью и террористами, Филиппов сформировал «летучий отряд», куда отбирались наиболее квалифицированные сотрудники, имевшие хорошую физическую подготовку и хорошие навыки в стрельбе. «Летучий отряд» стал предшественником современных отрядов милиции специального назначения криминальной милиции.

И самое главное – по инициативе В. Г. Филиппова была проведена тщательная классификация всех лиц, стоявших на оперативном учете в Сыскной полиции. Все они были сфотографированы и дактилоскопированы. На каждого подучетника была заполнена специальная карточка, где содержались его анкетные данные, указывались клички, адреса убежищ и т. д. Фотографии преступников с учетом их криминальных «профессий» были размещены в специальных альбомах, с которыми знакомили потерпевших. Результатом этой титанической работы стали 27 альбомов с фотографиями преступников, причем на каждого уголовника составлялась детальная карточка, где указывались все его исходные данные, способы совершения преступлений, адреса возможного проживания и т. д.

Кроме того, при В. Г. Филиппове русский уголовный сыск установил тесный контакт с зарубежными коллегами, и вопросы экстрадиции преступников решались без особых проблем.

«Рожденный революцией...» Уголовный розыск в 1917–1921 годах

В феврале 1917 года рухнула трехсотлетняя Российская империя. Последний русский царь Николай II отрекся от престола, и к власти пришло Временное правительство, которому досталось от прежнего кабинета министров тяжелейшее наследство. Страна третий год воевала на фронтах Первой мировой войны, неся огромные потери убитыми и ранеными. На глазах разваливалась экономика страны. Промышленность не выдерживала темпов производства, необходимых для обеспечения армии, а сельское хозяйство не могло обеспечить население продуктами питания. И общество, и армия были деморализованы постоянными неудачами на фронтах.

В конце 1916 года началось массовое, постоянно растущее дезертирство с фронта. Как правило, оно сопровождалось физическими расправами с офицерами. С фронта солдаты уходили с оружием в руках.

Ситуация в тылу тоже была критической. В населенных пунктах скопились тысячи беженцев с оккупированных врагом территорий, о которых никто не заботился и которые были фактически предоставлены сами себе. Резко выросло количество беспризорных детей, которые заполнили все крупные города страны. Начались массовые эпидемические заболевания, и прежде всего сыпным тифом.

К сожалению, обстановка в России после ее вступления в Первую мировую войну стала меняться в худшую сторону – политическая, экономическая и криминогенная ситуации достигли кризиса. Была введена карточная система на продажу продуктов питания, росло число разорившихся крестьянских хозяйств и детская беспризорность – по огромным просторам бродили тысячи людей из регионов, разоренных войной. Колоссальных размеров достигла коррупция, взяточничество и протекционизм. Петроград, Москву, губернские центры России захлестывала волна бандитизма.

Преемник В. Г. Филиппова Аркадий Аркадьевич Кирпичников делал все зависящее от него, чтобы остановить накатывавшуюся волну бандитизма и постоянно растущего числа других преступлений, но сил справиться с этой волной преступности у сыскальной полиции не было.

Криминогенная ситуация в стране явно выходила из-под контроля. Сотрудники уголовной сыскальной полиции обеих столиц, Петрограда и Москвы, прекрасно понимали, что их немногочисленный аппарат такого сверхнапряжения не выдержит, а царский кабинет министров не в состоянии помочь. В городах неудержимо росло количество воровских и грабительских шайк, резко увеличилось число вооруженных бандитских формирований, справиться с которыми полиция самостоятельно уже не могла.

Ситуация еще более осложнилась тем, что в ходе революционных событий в феврале 1917 года произошло стихийное освобождение из тюрем не только политических противников царского режима, но и лиц, отбывавших наказание за совершение уголовных преступлений, в том числе профессиональных преступников всех мастей.

Петроград захлестнул революционный разгул, толпа безнаказанно убивала чинов полиции. Здание, где располагалась Сыскальная полиция, было сожжено уголовно-революционным элементом, стремившимся уничтожить полицейские архивы и знаменитые филипповские альбомы. Музей полиции был разгромлен, но часть альбомов была спасена сотрудниками Сыскальной полиции, а после октября 1917 года передана в руки сотрудников петроградской милиции.

К сожалению, Временное правительство не сумело навести порядок в столице. Первый министр внутренних дел князь Г. Е. Львов в вопросах охраны правопорядка оказался человеком абсолютно некомпетентным. Сменивший его на этом посту лидер меньшевиков И. Г. Цере-

тели пробыл в кресле министра всего две недели и тоже ничего практически не сделал. Два последних шефа МВД Временного правительства Н. Д. Авксентьев и А. М. Никитин начали постепенно возрождать патрульно-постовую службу, провели совещание с сотрудниками уголовной сыскной полиции и нашли в их лице верных союзников в борьбе за укрепление правопорядка. Сотрудникам уголовной сыскной полиции удалось восстановить оперативные учеты уголовного элемента, наладить работу криминалистических лабораторий, задержать десятки уголовников и ликвидировать ряд крупных бандитских шак.

Но грянул Октябрь 1917 года. К власти пришло большевистское правительство во главе с В. И. Лениным. Большевики прекрасно понимали, чем грозит стране уголовный террор, который с каждым днем набирал обороты, и уже на третий день советской власти, 28 октября (10 ноября) 1917 года, по уполномочию Совета Народных Комиссаров было принято постановление НКВД «О рабочей милиции».

Первые месяцы советской власти милиция оставалась еще и единственной вооруженной силой молодой республики. Только с созданием в феврале 1918 года Красной Армии милиция полностью переключилась на выполнение своей главной задачи – охрану общественного порядка. И эта работа начиналась в тяжелейших условиях. Уже в ноябре 1917 года по Петрограду прокатилась волна массовых погромов. Она была инспирирована контрреволюционным подпольем и главарями уголовных шак. В ходе этих погромов скудные запасы продовольствия и товаров первой необходимости были не столько розданы нуждающимся, сколько попросту уничтожены. С большим трудом эту криминальную волну удалось остановить только к зиме 1918 года.

Определенную роль в дестабилизации криминогенной обстановки в городе играли вооруженные отряды левых эсеров, и особенно анархистов, вожди которых на первых порах сотрудничали с большевиками. Они самовольно производили аресты, брали людей в заложники, требуя за них выкуп, устраивали самочинные обыски с «конфискацией» ценностей, допускали факты физических расправ, вплоть до убийств, над ничем не повинными людьми. И хотя сотрудники вновь созданной милиции и бойцы Красной гвардии решительно пресекли подобные инциденты, но свое черное дело по дискредитации советской власти эти «революционеры» сделали.

Первый нарком внутренних дел А. И. Рыков и сменивший его на этом посту Г. И. Петровский понимали, что новых сотрудников милиции надо учить прежде всего профессиональному мастерству, хотя большинство первых советских милиционеров были просто неграмотными. Как ни странно, наркомов поддержали бывшие сотрудники сыскной полиции. Они провели общее собрание и приняли резолюцию, в которой поддержали проводимые Петросоветом меры по укреплению общественного порядка и просили принять их на работу в милицию. Вряд ли эти люди приняли идеи большевизма, но как патриоты и профессионалы своего дела они прекрасно понимали, чем грозит Петрограду и стране уголовный террор.

Последний начальник царской сыскной полиции Аркадий Аркадьевич Кирпичников добился приема у Г. И. Петровского и вручил ему резолюцию собрания сыщиков. Нарком внимательно выслушал Кирпичникова и попросил его самого и его подчиненных остаться на своих местах и выполнять свои функциональные обязанности, а главное – вплотную заняться профессиональной подготовкой милиционеров и налаживанием работы всех подразделений милиции.

Надо отдать должное этим людям: они помогли правильно организовать патрульно-постовую службу милиции и Красной гвардии, восстановили конную милицию. Более того, не дожидаясь указаний сверху о создании уголовного розыска, они стали готовить оперативных сотрудников этой службы – в 1918 году при Петроградском коммунистическом университете был создан факультет уголовного розыска.

5 октября 1918 года решением Коллегии НКВД в составе органов милиции были созданы отделения уголовного розыска. К этому времени в составе петроградского угрозыска уже появилась группа молодых оперативников, которые под руководством бывших сотрудников сыскной полиции быстро набирались профессионального опыта, что немедленно сказалось на криминальной обстановке в Петрограде. К осени 1918 года сотрудники уголовного розыска сумели ликвидировать ряд крупных бандитских группировок, выявить организаторов шаек погромщиков, задержать десятки спекулянтов.

Говоря о становлении уголовного розыска, нельзя не вспомнить о его кинологической службе. Первый в России питомник служебно-розыскного собаководства появился в Петербурге в 1909 году на Черной речке, 49. Идея его создания принадлежала Российскому обществу поощрения применения собак в полицейской и сторожевой службе и была позаимствована из опыта полиции европейских стран, где применение собак для розыска и задержания преступников уже доказало свою эффективность.

Помещения питомника строились по европейским образцам. В них находилось всего 4 собаки. Зато в обслуживающем персонале недостатка не было: на 4 собаки – 8 человек обслуживающих. В 1909 году в питомнике начались регулярные занятия по дрессировке розыскных собак и их применение в полицейской службе.

Вскоре после Октябрьской революции представители уголовного розыска обратили внимание правительства на необходимость использования нескольких сохранившихся розыскных собак для работы и, главное, как производителей. Питомник перевели на Крестовский остров (где он просуществует до 1973 года). В 1918 году его руководителем был назначен известный цирковой дрессировщик В. Языков. В питомнике удастся собрать 40 собак служебных пород (в основном доберманов и немецких овчарок), с которыми работали 18 человек.

С большим трудом удалось сохранить питомник в особо трудные 1919–1920 годы, когда продовольственные и иные кризисы достигли наибольшей степени обострения. Но уже в 1920 году в Петрограде на базе питомника уголовного розыска была образована первая Всесоюзная школа-питомник служебно-розыскного собаководства.

Ровесницей уголовного розыска является и ее «кузница кадров», Санкт-Петербургская специальная средняя школа милиции МВД России, которая ведет свою историю с сентября 1918 года. Решение о ее создании было принято на первом съезде заведующих наружной охраной Петрограда. Официальное открытие школы состоялось 10 октября 1918 года. Этот день был объявлен ее днем рождения. Первоначально она называлась курсами. «Петроградские курсы, – отмечалось в приказе тех лет по милиции республики, – являются лучшими, и по ним следует равняться». В 1924 году НКВД вручил школе Красное Знамя. Вышитые золотом на знамени слова – «Законность, дисциплина, преданность Родине» – стали девизом для всех преподавателей и курсантов.

Крупнейшим событием в истории петроградского уголовного розыска стало издание 10 июля 1920 года Центральным Исполнительным Комитетом и Советом Народных Комиссаров РСФСР «Положения о рабоче-крестьянской милиции», которое определило ее организационную структуру и дальнейшую деятельность. Новое положение узаконило несколько видов милиции: городскую и уездную, промышленную (куда входили фабрично-заводская, лесная и горнопромышленная), железнодорожную, водно-речную, морскую и розыскную. Вся милиция рассматривалась как вооруженный исполнительный орган, наделенный правами и обязанностями воинской части особого назначения.

Положение установило добровольность службы в уголовном розыске, при условии, что каждый поступивший обязан прослужить не менее года. В уголовный розыск могли приниматься граждане РСФСР, достигшие 21 года, грамотные, пользующиеся избирательным правом, не состоящие под судом и следствием по обвинению в преступлениях, годные по состоянию здоровья к службе в уголовном розыске.

Положение устанавливало обязательное воинское обучение личного состава в объеме, необходимом для командиров взводов. Вводилась воинская дисциплина и строгое соподчинение, причем уголовный розыск должен был руководствоваться соответствующими уставами и положениями, действующими в Красной Армии.

В милиции вводилась единая форма со знаками различия как для командного, так и для рядового состава. Расходы по содержанию милиции и уголовного розыска оплачивались из государственных средств по смете Народного комиссариата внутренних дел.

Положением устанавливалась также организационная структура органов милиции и уголовного розыска. Милиция городов Москвы и Петрограда приравнивалась к губернским милициям.

Именно в это время были созданы предпосылки для начала методичной, целенаправленной борьбы с профессиональной уголовной преступностью и ее самым страшным проявлением – бандитизмом.

Конец банды Чугуна

Шла Гражданская война. В Петрограде было неспокойно. В городе действовали многочисленные банды. Одна из них отличалась особой жестокостью. Преступления совершались в разных районах, но почерк преступлений и приметы преступников каждый раз совпадали. Переодетые в военную форму бандиты подъезжали на автомобиле или полугрузовичке к дому, заходили в намеченную квартиру или магазин, загоняли всех присутствующих в одну комнату и, забрав деньги и ценности, исчезали. При малейшем сопротивлении бандиты открывали стрельбу и убивали непокорных. Иногда банда исчезала из Петрограда, но затем появлялась вновь.

Сотрудники уголовного розыска, выезжая в те дни на многочисленные преступления, по крупницам собирали материалы для изобличения преступников, накапливали сведения о банде.

С. Н. Кренев был одним из тех старых специалистов, которые на общем собрании угрозыска Временного правительства в ноябре 1917 года приняли решение: «...новую Советскую власть поддержать, помочь ей восстановить в городе твердый порядок... не дать город на разграбление уголовному элементу, даже если новая власть перестанет платить жалованье».

Несмотря на бедственное положение их семей и нужду, в которую они впали из-за того, что Временное правительство, испытывая постоянный дефицит платежных средств, систематически недоплачивало им жалованье, они активно включились в работу.

Опыт и огромные знания Кренева очень помогли сотрудникам уголовного розыска, недавно пришедшим в милицию от станка, в расследовании деятельности этой банды. Угрозыску удалось узнать, что бандой руководит некий Чугун, старый рецидивист, промышлявший грабежами, а также клички его ближайших помощников-«адъютантов» – Володьки Гужбана, Ваньки Повара, Федьки Каланчи. Были арестованы лица, причастные к деятельности банды, но их допросы никаких ценных сведений не дали – Чугун доверял далеко не каждому.

Но упорной работе всегда сопутствует успех, и вскоре в сети угрозыска попала действительно крупная рыба. На станции Вандомо-Рыбинской железной дороги был найден человек, раненный в голову, грудь и живот. По документам – сотрудник угрозыска. Но документы оказались поддельными, а в раненом опознали героя нашумевших в Петрограде уголовных дел «адъютанта» Чугуна – Володьку Гужбана. Позже выяснилось, что Гужбана наказали его сообщники за непомерную жадность при дележе добычи.

Налетчика поместили в госпиталь и установили за ним наблюдение. Он и не подозревал, что разоблачен уголовным розыском, – пытался возобновить старые уголовные контакты, и в конце августа 1920 года сотрудникам наконец удалось выяснить все адреса, где укрывались преступники. Появилась возможность организовать засады. Узнали в уголовном розыске и о главном складе банды в доме № 6 по Троицкому переулку, куда свозилось награбленное из квартир и магазинов.

В те дни уголовный розыск мобилизовал все свои силы, чтобы одним ударом покончить с бандой. В ночь на 15 сентября 1920 года отряды наиболее опытных сотрудников уголовного розыска во главе с ударной группой были брошены во все концы города с точными инструкциями, и не напрасно: атаман шайки Чугун был взят сонным, без единого выстрела.

В 6 часов утра в штабе угрозыска стало известно, что знаменитый Чугун арестован, а к 7 часам его водворили в камеру. Чуть позже в угрозыск доставили еще 30 человек – ядро шайки, а со второстепенными участниками и укрывателями арестованных было всего 120 человек. У преступников изъяли оружие и большое количество краденых ценностей.

Сотрудникам угрозыска предстояло проделать напряженную и сложную работу, чтобы сгруппировать все данные, уличить всех соучастников, выявить степень виновности каждого в том или ином деле.

Доставленные в угрозыск бандиты допрашивались поодиночке. Большинство из них отказывались от активной роли. «Спросите Чугуна, найдите Гужбана, Каланчу – они все знают». Все они еще надеялись, что главарь на свободе. Но когда Чугун был предъявлен им на очной ставке, языки бандитов развязались. Это очень продвинуло следствие.

Кто же такой Чугун? Грабитель, сын крупного мясоторговца Кузнецова, повешенного в царское время за разбойные похождения, брат не менее известного Яшки Кошелькова, которого ловили в Москве за разбойные нападения, в том числе и на В. И. Ленина, у которого в канун Рождества 1919 года он отобрал автомобиль.

До революции Чугун – Иван Кузнецов – работал на городской бойне, неоднократно призывался в царскую армию, но все время дезертировал, сколотил банду в 120 человек. Благодаря огромной физической силе он держал свою шайку в повиновении и страхе. Утверждали, что Чугун ударом кулака валил быка, гнул подковы. Его жестокость была такова, что он не только расстреливал своих сообщников, но и душил их собственными руками. Особенно тех, кто «крысятничал», утаивал добычу «с дела». Революция не изменила его затей, и преступления копились, достигнув максимума к моменту ликвидации банды...

Допрашивал Чугуна начальник уголовного розыска Петрограда, легендарный своей личной храбростью и огромной трудоспособностью, бывший моряк Балтийского флота Владимир Александрович Кишкин.

Опытный работник, знающий, как бороться с преступностью, Кишкин до уголовного розыска служил в центральной комендатуре революционной охраны. Там его знали как человека сильной воли, беспредельно храброго и настойчивого. За время работы в уголовном розыске в качестве агента Кишкин изучил городские трущобы и проходные дворы. В разгромах банд, в задержании особо опасных преступников он, как правило, принимал личное участие. А таких вооруженных схваток у него было около ста. Возглавляя небольшую группу оперативных работников, Кишкин не побоялся вступить в бой с бандой Смородина-Ковалева, насчитывающей 28 человек. И банда была разоружена. Показывая сотрудникам уголовного розыска пример личной храбрости, Кишкин доказывал, что смерть боится смелых людей. И действительно, она его обходила, хотя в одной из схваток с бандитами он был ранен и потерял правый глаз.

В своих воспоминаниях о совместной работе с В. А. Кишкиным агент уголовного розыска И. В. Бодунов писал: «...о его легендарной храбрости по городу и губернии ходили легенды. Он был худощав, на правом глазу черная ленточка, на голове лихо сидела бескозырка, а на ленточке бескозырки красовалось название броненосца „Грозный“. Неизвестно, спал ли он когда-нибудь. У него не было ни семьи, ни дома. Жил он одними только делами, мыслями о революции и действиями. Ничего не боялся. Зато как же боялись его! Его бесстрашие действовало гипнотически. Налетчикам, бандитам, ворами и убийцам казалось, что пуля его не берет. Может быть, потому, что верили – попасть в Кишкина невозможно, промахивались лучшие стрелки из главарей шаек, такие как Белка, Чугун, Ванька Сибиряк, Дрозд и др. А он, во весь рост, размахивая браунингом, вел на их убежища оперативных сотрудников, и легендарная его слава, его бесстрашие подавляли преступников, сеяли среди них панику, лишали надежды на спасение».

Следствие по шайке Чугуна было тяжелым. Главарь молчал долго и упорно, просил предъявить своих сообщников, только после этого обещал дать показания – он выжидал, тянул время, надеясь вырваться на свободу. Бандит вынашивал план побега и при первом же удобном случае попробовал его реализовать.

Когда его вели на допрос, Чугун вырвался из рук конвоира и пытался бежать, разбив головой стекло. Его удалось задержать. Но Чугун не мог так легко распрощаться с мыслью о свободе. Он тянул с показаниями, придумывал повод за поводом, чтобы оттянуть наказание.

На третий день ареста, когда утомленный от допросов Кишкин вышел, вызванный по делу, Чугун вторично пытался бежать, выскочив тем же приемом из окна третьего этажа. Было

уже темно, но стража, стоявшая у ворот, проявила бдительность, и в ста шагах от дома Чугун был задержан, ему оказали врачебную помощь и водворили в камеру.

Только после неудачных побегов Чугун стал давать показания. Он в общих чертах рассказал о своих преступлениях, что помогло раскрыть множество убийств и налетов. Никакими высокими целями Чугун своего разбоя не оправдывал – вся его добыча уходила на пьянство и на женщин.

Яркими фигурами были в его шайке Пивоваров и Агафонов – это они снабжали бандитов документами, транспортными средствами, укрывали в случае опасности.

При аресте шайки у бандитов было изъято большое количество оружия: винтовок, револьверов и ножей. За бандой числилось более двух десятков убийств. Лично Чугуном была убита гражданка Табачникова в доме № 3 по ул. Декабристов, ограблена квартира в доме № 3 по Апраксину переулку. Убито и ранено несколько артельщиков около Народного банка и др.

Банда Чугуна была одной из тридцати двух, ликвидированных в Петрограде в 1920 году. Но в докладной записке от 1 ноября 1920 года начальника уголовного розыска В. А. Кишкина начальнику Петгубмилиции З. А. Александрову банда Чугуна шла под № 1.

*Сотрудники уголовного розыска,
принимавшие участие в раскрытии преступления:*

*Иван Васильевич Бодунов А
ркадий Аркадьевич Кирпичников
Сергей Николаевич Кренев
Петр Прокофьевич Громов*

«Самочинщик» Ванька Белка

«Самочинка» – смысл этого слова понимают сегодня только криминологи с большим стажем. Ну а после февраля 1917 года оно было на слуху у всех петроградцев и означало следующее: в богатую квартиру (как правило, буржуа или купца) врываются «революционеры» и изымали ценности в «фонд революции».

После Октября уголовники часто выдавали себя за сотрудников милиции или чекистов. Если жертва проявляла покорность, ей в порядке утешения иногда оставляли что-то вроде расписки, где предлагалось «... ивица в комнату... на Гороховую дом 2, к товарищу...». Но если хозяева пытались оказать сопротивление, не желали отдавать свои вещи, преступники зверски их избивали, а нередко и убивали. Так что широко бытующие и поныне рассказы о жестокости чекистов были рождены произволом уголовников.

Именно как «самочинщик» начинал новый этап своей уголовной карьеры уже при советской власти матерый ворюга Иван Белов по кличке Ванька Белка, имевший еще дореволюционные судимости. Вокруг лихого и фартового бандита быстро сформировалась группа человек в пятьдесят. Ядро банды составили с десяток уркаганов со стажем.

Подручные Белки не брезговали ничем. В частности, в 1919–1920 годах они совершили ряд краж из петроградских церквей. После арестов, на допросах, спасая собственные жизни, клялись в своей религиозности, показывали нательные кресты, истово крестились, требовали встреч со священниками для исповеди. Помимо церквей, Белов и его дружки совершали квартирные кражи, вооруженные налеты, а если кто-то пытался им помешать, тут же расправлялись со смельчаками.

Именно так произошло с петроградцем Сеничевым, который 12 января 1919 года смело вступил в неравную схватку с бандитами, защищая своих близких. Налетчики, пользуясь численным превосходством (семеро одного не бояться!), зверски избили Сеничева, а потом на глазах у родственников буквально изрешетили из револьверов.

В сходной ситуации оказался и водитель автомобиля Куликов. Преступники ворвались в гараж, находившийся в доме № 6 по Апраксину переулку. Шофер не растерялся: заводная ручка опустилась на голову одного из них. Грохнули револьверные выстрелы. Куликов схватился за грудь. «По традиции» бандиты добились свою жертву ногами. Выстрелы услышали постовые милиционеры, но прибыли слишком поздно – грабители успели скрыться. Правда, угнать автомобиль Куликова они не смогли.

Молодой уголовный розыск советского Петрограда смело вступил в схватку с дерзкими и матерыми преступниками. Правда, учиться нелегкому сыщицкому ремеслу пришлось, что называется, «с листа», непосредственно на месте преступления. И нередко за эту учебу приходилось платить своей жизнью...

Но жертвы «красных сыщиков» были не напрасны. Уже к середине 1920 года многие банды были ликвидированы, а их главарей постигла заслуженная кара.

Белов и его сообщники пока разгуливали на свободе. Они понимали, что возмездие неотвратимо, но вера в свой воровской фарт, желание положить в свой карман еще одну золотую «цацку», заглушали страх. Они глушили его самогоном и наркотиками...

А сотрудники угрозыска одну за одной ликвидировали «малины», где собирались бандиты. Нередко эти операции сопровождалась не только задержанием преступников, но и гибелью сотрудников уголовного розыска и других подразделений милиции.

Летом 1920 года агенту уголовного розыска Александру Скальбергу удалось ближе всех подобраться к Белке и его ближайшему окружению. Ему удалось склонить к сотрудничеству одного из членов шайки, который однажды прислал ему записку: «Шурка, приходи завтра в 8

часов вечера на Таиров переулок, дом 3, где ты получишь важный материал по интересующему тебя большому и таинственному делу».

Таиров переулок – рядом с Сенной площадью, Сенным рынком. Одно из самых зланных мест дореволюционного Питера, набитое притонами, где уголовники могли сутками играть в карты, подбадривать себя самогоном и «марафетом», сбывать краденое...

Сюда и отправился 23-летний Скальберг. Его знали в лицо многие преступники. В результате предательства уголовника он попал в засаду. Четыре здоровенных бандита оглушили его, связали и подвергли жестоким пыткам. Утром встревоженные исчезновением Скальберга сослуживцы отправились к нему на квартиру. Выяснилось, что дома тот не ночевал. В его пиджаке нашли записку. Тотчас группа сотрудников выехала на Таиров переулок. В одном из притонов они нашли разрубленный труп Скальберга...

Сотрудника угрозыска похоронили с воинскими почестями. На его могиле товарищи поклялись покарать убийц. За дело взялся 20-летний Иван Бодунов, который считался опытным агентом. Родился он в маленькой деревушке Московской губернии в 1900 году. После смерти отца, ограбленного и убитого бандитом, решил посвятить свою жизнь борьбе с преступностью. Так он оказался в Петрограде, в уголовном розыске. Ему повезло: в марте 1919 года Бодунова направили на учебу – вначале на шестимесячные курсы, а затем в специальную школу уголовного розыска. Его учителями были корифеи своего дела, бывшие сотрудники царской полиции: С. Н. Кренев – теоретик научно-оперативного розыскного искусства, криминалист А. А. Сальков и следователь А. А. Кирпичников.

Позже Юрий Герман напишет о Бодунове повесть «Один год», а его сын, режиссер Алексей Герман, снимет по ней фильм «Мой друг Иван Лапшин». А тогда, летом 1920-го, Бодунов с риском для жизни обходил под видом скупщика краденого все притоны Сенной, пока не напал на след убийц Скальберга. «Ликвидаторами» оказались Сергей Плотвинов, Григорий Фадеев, Василий Николаев и Александр Андреев по кличке Шурка Баянист (играл в трактире на баяне). Их изобличили не только в убийстве Скальберга, но еще и в целом ряде «мокрых дел», а также более чем в тридцати кражах. У бандитов были изъяты большие ценности. Приговор суда был беспощаден.

Убийцы Скальберга принадлежали к числу ближайших подручных Белки. Поэтому, узнав об их аресте, он на время затаился на одной из своих «малин». Белов прекрасно понимал, что кольцо вокруг него сжимается, что угрозыск его в покое не оставит и смерти своих товарищей не простит.

Почти вся осень 1920 года прошла в поисках преступника. Это был нелегкий и опасный труд. В перестрелке погибли сотрудники угрозыска Дурцев и Котович, участковый уполномоченный Юделевич, два постовых милиционера. Существенные потери несли и бандиты. Зимой 1921 года при задержании были застрелены ближайшие подручные Белки Ваганов, Конюхов, Сергун, нескольких уголовников арестовали. Белов метался по городу, пытаясь замести следы, спрятаться. Главное, на что рассчитывал, – сорвать на ограблении хороший куш и скрыться из города.

7 марта 1921 года на острове Голодай (Декабристов) на свалке обнаружили труп неизвестного. То, что он был убит, не вызывало сомнений. Вскоре установили личность погибшего. Им оказался гражданин Эберман, проживавший в доме № 37 по Знаменской улице. Осмотр квартиры убитого проводили асы дореволюционного петербургского уголовного сыска Сергей Николаевич Кренев и Алексей Андреевич Сальков. Среди выявленных ими отпечатков пальцев оказались и следы пальцев Белки. Так у следствия появилась железная улика участия Белова в убийствах.

Не терял времени и Бодунов. Не зря он ходил по притонам Сенной площади и Лиговки. И сделал главное – смог войти в доверие к бандитам. Блестящее знание воровского жаргона,

умение поговорить «по душам», недюжинная физическая сила и молниеносная находчивость сделали свое дело. Бодунов выяснил главное: адрес берлоги Белки – Лиговский проспект, 102.

К этому времени на счету бандита и его сообщников было не менее 200 краж, разбоев и грабежей, как минимум 27 убитых и 18 раненых. Все это могло быть доказательно предъявлено суду следствием.

Бодунов сумел установить время начала «сходняка». Дом взяли под постоянное наблюдение. Как только шайка собралась, притон скрытно оцепили.

А на «малине» дым стоял коромыслом – рекой лился самогон, кто-то «выяснял отношения», кто-то азартно резался в карты. Пьяные девицы, как умели, развлекали многочисленных «гостей»... Истошный вопль стоявшего на шухере бандита «Лягавые!» вызвал шок и переполох. На предложение сдаться бандиты ответили беспорядочной стрельбой.

Прогудело три гудочка и затихло в дали,
А чекисты этой ночью на облаву пошли,
Оцепили все кварталы, по «малинам» шелестят,
В это время слышно стало – где-то пули свистят.
Как на нашей на «малине» мой пахан отдыхал,
Ваня, Ваня, родимый – звуки те он услышал...

Это было самое настоящее сражение. Белка с братвой, понимая, что терять им нечего, отстреливались с отчаянием обреченных, но фарт их уже кончился... В перестрелке погиб сам Белка, его жена, активная участница многих преступлений, и еще с десятков уголовников.

Чтобы заставить остальных сложить оружие, в дом пустили служебно-розыскную овчарку по кличке Завет. Решительность сотрудников милиции и появление в доме разъяренного пса завершили схватку – бандиты капитулировали. Не обошлось, увы, без потерь: в перестрелке погибли работник угрозыска Васильев и милиционер Чуриков.

Таковы были суровые будни тех сложных лет. Времени, чтобы оглядеться, перевести дух у смельчаков из угрозыска просто не было. Едва покончив с формальностями, связанными с передачей материалов на членов шайки Белки в суд, им пришлось заняться ликвидацией не менее опасной шайки некоего Лебедева.

К сожалению, об этой банде мало что известно. «Работала» она в основном в ближних пригородах Петрограда, но по изощренности и жестокости ничем не уступала шайке Белова.

Едва посадили на скамью подсудимых банду Лебедева, как взошла «звезда» Леньки Пантелеева. Правда, этот «король Лиговской панели», по отзывам ветеранов угрозыска, выглядел на фоне Белки и Лебедева жалким дилетантом.

Но шуму он наделал много.

Сотрудники уголовного розыска, принимавшие участие в раскрытии преступления:

Иван Васильевич Бодунов

Петр Леонтьевич Юрский

Аркадий Аркадьевич Кирпичников

Сергей Николаевич Кренин

Алексей Андреевич Сальков

Фома Игнатьевич Лейников (погиб при ликвидации банды Белки)

Александр Васильевич Скальберг (погиб при ликвидации банды Белки)

Дело шайки Леньки Пантелеева

Очерк «Дело шайки Леньки Пантелеева» был напечатан в далеком 1925 году в журнале «Суд идет». Автор статьи, к сожалению, неизвестен, но то, что он был активным участником ликвидации банды, не вызывает сомнений. Все факты полностью соответствуют документам, хранящимся в архиве Информационного центра ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

В 1922–1923 годах налеты стали обыденным явлением – грабили в квартирах, грабили на улицах.

Нэпманствующая обывательщина была до того напугана этим увеличением числа налетов, что устраивала у себя в квартирах электрические сигнализации, ложилась спать, держа топор под подушкой, не ходила в театр и в гости, потому что боялась, что ночью ее разденут на любой улице – даже на Невском проспекте.

По статистике угрозыска, число налетов в то время достигало 40 в месяц, причем многие из них были «мокрые», т. е. сопровождалось убийствами или тяжелыми ранениями.

Профессор Л. Г. Оршанский в своем докладе на Всесоюзном съезде невропатологов и психиатров о наблюдениях над преступниками, которые проходили через Диагностический институт, указал на весьма своеобразный состав налетчиков 1922 и 1923 годов. Больше половины из них до своего первого налета никогда никаких преступлений не совершали. Этим и объясняется, что громадное большинство таких преступников попадались в руки органов дознания сразу же – или при выходе после налета, или при продаже награбленного на толкучке, или, наконец, в первом попавшемся трактире, где они делили между собою добычу.

Налетчиков-рецидивистов было очень мало. Преступники-рецидивисты – все эти многочисленные городушники, домушники, малинники и форточники – никогда на налет не отваживались, и, когда во время допроса им предъявляли обвинение в участии в каком-нибудь «мокрым» деле, они обиженно заявляли:

– На «мокрое» дело никто из нас, гражданин инспектор, вы сами знаете, никогда не пойдет...

Надо считать, что налетчики были совершенно новой группой преступников с особой психологией и со своеобразными методами совершения преступления.

Многие из них, пожалуй даже большинство, наставляя на хозяина квартиры «шпалер», были уверены, что стрелять им не придется и что испуганный обыватель сейчас же покажет им, где хранятся ценности, и послушно позволит себя связать и запереть в ванную или уборную.

На дознании, а затем и на суде, где они фигурировали уже как убийцы, налетчики утверждали, что убивать не хотели, и что на это их вынудила необходимость самообороны, ради собственного спасения от возможного ареста.

Но и в этой массе первичных, или «случайных», налетчиков еще в 1922 году организовалась шайка налетчиков-рецидивистов. Почти легендарную славу получила так называемая шайка Леньки Пантелеева.

Ядро шайки насчитывало десяток хорошо подобранных хулиганов. Ближайшим сотрудником Леньки Пантелеева, или его «адъютантом», как он сам себя хвастливо называл на допросах в уголовном розыске, был Дмитрий Гавриков.

В Леньке Пантелееве нельзя было, конечно, отрицать некоторых организаторских способностей. Он сумел не только создать в шайке железную дисциплину, но и прекрасно распределял роли, которые каждый из бандитов должен был играть в налете. Кроме того, по всему городу у него были разбросаны «конспиративные» квартиры, или, как их называют на воров-

ском языке, – хазы. Попасть в эту хазу можно было, только зная пароль. Пантелеев, после первых же своих налетов имевший сведения, что его ловят, менял хазы чуть ли не ежедневно.

Обывательские рассказы старались придать этому хладнокровному и жестокому налетчику черты какого-то героя. Утверждали, например, что на улице он грабил только богатых, а бедным, которых останавливал он или кто-либо из его шайки, он даже давал деньги. Такие же легенды распускались и про его неуловимость. Обывательская фантазия считала, что каждый налет, совершаемый в это время в Ленинграде, – дело рук Леньки Пантелеева.

Понятно, это было преувеличение – у страха глаза велики. Но все-таки дел у Пантелеева было немало.

Начал «работу» Ленька Пантелеев со своей шайкой с вооруженного налета на квартиру богатого ленинградского меховщика Богачева в дом № 39 по улице Плеханова (Казанской).

Около 4 часов дня 4 марта 1922 года в квартиру Богачева кто-то постучался. К двери подошла прислуга, Бронислава Протас, и спросила:

– Кто там?

Ей ответили вопросом:

– Дома ли мадам с Симой и где Эмилия?

Протас ответила, что Богачевой нет дома, а Эмилия лежит больная. Затем она спросила:

– Кто это там, не Ваня ли?.. (Знакомый Эмилии.) Голос из-за двери ответил:

– Да.

Бронислава отперла дверь.

В квартиру вошли двое неизвестных и сразу же обратились к дочери Богачевой с возгласом:

– Ах, Симочка!

В этот же самый момент они наставили револьверы на трех женщин и, загнав их в последнюю комнату, связали.

Один из вошедших, в военной шинели, руководивший налетом, приставил револьвер к виску Протас и потребовал указать, где лежат ценности и дорогие вещи.

– Если ты этого не скажешь, я прострелю тебе, как цыпленку, голову, – пригрозил налетчик.

Но Протас ответила, что не знает, где хранятся «господские» ценности. Тогда налетчик в военной шинели сказал:

– Мы и без тебя все, что нам нужно, найдем.

Взломав хорошо заточенным стилетом шкафы, грабители забрали меховые и ценные вещи и, сложив их в корзину, взятую из кухни, вынесли ее с парадного хода.

Налетчик в серой шинели был Ленька Пантелеев.

Это было его первое бандитское дело.

У Богачевых было похищено на очень крупную сумму. Но при дележе добычи Пантелеев сказал своим сообщникам, что на всем этом деле «взяли всего фунт дыму».

Наводчице, указавшей на квартиру Богачевой и нарисовавшей Пантелееву расположение комнат, Ленька Пантелеев уделил из «фунта дыму» черное платье, шелковый костюм и несколько штук мехов.

18 марта того же года около девяти часов вечера в квартиру, принадлежащую доктору Я. М. Грилихесу, позвонили и на вопрос прислуги «Кто там?» ответили, что доктору принесли записку из штаба.

Прислуга открыла дверь. На кухню вошли двое. Один из них протянул прислуге какую-то бумажку. Другой тем временем направил на нее револьвер и сказал:

– Говори: одна дома или нет? Только не ори.

Получив ответ, что дома никого, кроме нее, нет, грабители взяли горничную за руки и повели по комнатам, требуя указать, где спрятаны деньги.

Прислуга ответила, что она этого не знает.

Тогда налетчики стали брать все, что попадалось им под руку, – белье, одежду и пр.

Уложив награбленное в узел, один из налетчиков пошел за извозчиком, а другой остался сторожить прислугу.

По возвращении они связали прислугу полотенцами по рукам и ногам, положили на кровать и, приказав молчать и не шевелиться, скрылись.

Так же, как и при первом налете, наводчицей была женщина. Характерная черта: Ленка Пантелеев говорил, что лучшие сведения и указания давали ему всегда женщины. Этим он на допросе объяснял, что у него так много сожительниц.

– Каждая наводчица, – говорил он, – моя сожительница. Это выгодно, потому что с нею не нужно делиться. Она никогда не выдаст. В благодарность за удачное дело подаришь ей какой-нибудь пустяк: колечко с брильянтом или соболий палантин, и она тебе по гроб предана.

После этого налета до июня месяца 1922 года Пантелеев как бы прекратил свою деятельность. Потом, на допросах в уголовном розыске, он говорил, что в это время чувствовал себя очень плохо и все время болтался на хазе у девчонки, играл на гитаре и пил пиво.

В июне же в угрозыск поступило заявление бывшего сотрудника ЧК тов. Васильева, что в трамвае № 9 на Загородном проспекте он видел известного бандита Пантелеева. Пантелеев, заметив, что Васильев его узнал и пытается задержать, соскочил с трамвая на ходу. За ним сейчас же выскочил и Васильев, догнал его и схватил за тужурку. Пантелеев сильно рванулся и побежал по Загородному проспекту, юркнув в проходной двор Госбанка. Васильев бросился за ним, крича: «Держите его!»

Пантелеев на бегу дважды выстрелил в Васильева и выбежал на набережную Фонтанки. Ему наперерез бросился один из охранников Госбанка, но бандит двумя выстрелами из револьвера убил его и скрылся в одном из переулков.

Убитый оказался караульным начальником охраны Госбанка Б. Г. Чмутовым.

В то же время в угрозыск поступило заявление от некоего Вольма-на о том, что известный налетчик Пантелеев скрывается в доме № 8 по Эртелеву переулку – в квартире № 6 у своей сожительницы.

Сотрудники угрозыска произвели в этой квартире тщательный обыск, который, однако, не дал никаких результатов.

После обыска были задержаны сожительница Пантелеева – Валентина Цветкова (бежавшая из засады) и написавший заявление в угрозыск Вольман.

Этот арест дал угрозыску указания для раскрытия еще двух квартир, в которых скрывался Ленка Пантелеев. Были произведены дальнейшие аресты его сожительниц и наводчиц.

Кольцо вокруг Пантелеева неумолимо сужалось.

Эго не помешало ему, однако, 26 июня совершить дерзкий налет на квартиру доктора Левина в доме № 29 по Большому проспекту Петроградской стороны.

8 квартиру под видом пациента позвонил неизвестный матрос, а через несколько минут вновь раздался звонок, и вошли еще двое матросов.

Попросив подождать вошедших, доктор Левин занялся медицинским осмотром первого матроса, как вдруг в кабинет ворвались двое ожидавших, приставили к его груди два револьвера с возгласом «Руки вверх! Ни звука, а то смерть!», а затем связали по рукам и ногам.

Через полчаса в квартиру позвонила жена доктора Левина, которую впустили, связали и бросили в ванную комнату.

То же проделали грабители и с пришедшей в квартиру жиличкой. На все звонки приходивших к доктору они отвечали, что доктора нет дома.

Закончив разгром квартиры, который продолжался свыше двух часов, грабители взяли с собой чемодан и корзину, наполненную вещами, вынесли на улицу и, сев на поджидавшего их лихача, скрылись.

Наводчиком в этом налете был Раев, один из родственников Левина.

Рассказывая об этом налете на допросе, Пантелеев говорил, что за последнее время его стали преследовать неудачи. В налете на доктора Левина, сопровождавшемся для Пантелеева и Гаврикова большим риском, он взял гроши. Львиную часть награбленного получил Раев.

9 июля Пантелеев вместе со своей шайкой совершил налет на квартиру Аникиева в доме № 18 по Чернышеву переулку. На этот раз он явился уже не как налетчик с наведенным револьвером, а как агент ГПУ. Находящимся в квартире Пантелеев заявил, что, по имеющимся в ГПУ сведениям, у Аникиева очень много золотой валюты, что Аникиев имеет сношения с заграницей и что на основании этих сведений они приехали произвести обыск.

Они предъявили ордер на производство обыска, произвели тщательный обыск, отобрали найденные деньги, а затем для соблюдения всех формальностей составили протокол обыска, копию его за надлежащими подписями оставили хозяевам квартиры.

Что это был не обыск, а налет, выяснилось совершенно случайно. Ордер на производство обыска был выдан на имя Алексея Георгиевича Тимофеева, а на протоколе обыска расписался Николай Тимофеев. Это несоответствие вызвало у Аникиева сомнение, и он обратился в ГПУ, где выяснилось, что никакого ордера на производство обыска в квартире Аникиева дано не было и что Тимофеев в числе сотрудников ГПУ не значится.

Через несколько дней такой же вооруженный налет под видом обыска, но теперь уже по документам особого отдела ПВО Пантелеев совершил на квартиру Ищенс в Толмазовом переулке.

Но эти яркие вспышки дерзкого бандитизма были лишь мгновенными успехами разбойничьей удали – осторожное планомерное окружение органов дознания смыкалось вокруг Пантелеева и его шайки.

Каждый день розысков давал новые аресты или наводчиков пантелеевской шайки, или его бесчисленных сожительниц-соучастниц. Пантелеев на дознании говорил, что в то время, т. е. в начале осени 1922 года, он чувствовал себя как затравленный зверь.

Это не помешало ему, однако, продолжать свои налеты.

Он только изменил способы их совершения.

25 августа, около 4 часов утра, на Марсовом поле он и Гавриков, вооруженные револьверами, остановили извозчика, на котором ехали граждане Фистуль, Семенова и Шварц. Грабители под угрозой револьверов сняли с них верхнее платье, отобрали деньги, трудовые книжки, часы и обручальные кольца. Забрав все это, Пантелеев приказал извозчику ехать поскорее и не оглядываться.

Такое же ограбление Пантелеев произвел на улице Толмачева (Караванной) у клуба «Сплендид-Палас».

В эту же ночь начальником конного отряда милиции Никитиным был задержан неизвестный, проходивший по проспекту Нахимсона.

Поводом к задержанию послужил крик из толпы, что «это налетчик». Неизвестный бросился бежать и открыл стрельбу из револьвера, однако был настигнут в парадной одного из домов, где был схвачен и обезоружен. У него был отобран револьвер системы кольт. Так как неизвестный был ранен, то он был отправлен в Мариинскую больницу, где вскоре и умер.

Умерший оказался одним из ближайших соучастников Пантелеева, Дмитрием Ивановичем Беляевым-Беловым.

4 сентября было роковым днем для Пантелеева.

На углу Морской и Почтамтского переулков около полудня двумя неизвестными, вооруженными револьверами, был остановлен артельщик пожарного телеграфа Манулевич. Налетчики вырвали из его рук чемодан, в котором были деньги, и приказали под угрозой смерти не кричать и не оглядываться. Налетчики скрылись.

В тот же день около 4 часов дня в магазин, принадлежащий «Кожтресту», на углу проспекта 25-го Октября и улицы Желябова, вошли двое неизвестных и попросили показать им сапоги. Продавщица Васильева одному из неизвестных, одетому в кожаную фуражку и тужурку, принесла ботинки, которые он стал примерять.

Когда уже стали писать чек, в магазин вошел квартальный 3 отделения милиции, который вызвал к себе заведующего. В это же время по лестнице в магазин подымался помощник начальника 3 отделения Бардзай, который, увидев неизвестных, закричал им: «Руки вверх!»

Неизвестные приказания не исполнили и опустили руки в карманы.

Квартальный выстрелил.

Неизвестные тоже открыли стрельбу, во время которой был тяжело ранен Бардзай, вскоре скончавшийся.

Неизвестные, несмотря на отчаянное сопротивление, были задержаны и оказались знаменитыми Ленкой Пантелеевым и его «адъютантом» Дмитрием Гавриковым.

Сразу же после ареста они были заключены в ДПЗ, а потом переведены в 3-й исправдом.

Через три недели после задержания начался суд над пантелеевской шайкой. Они с бахвальством заняли место за решеткой на скамье подсудимых и, посмеиваясь и о чем-то перешептываясь, стали ожидать начала заседания.

Зал Петроградского трибунала был переполнен. Но это была не обычная судебная публика, посещающая процессы. В большинстве это были или мелкие воры, или постоянные посетители «огоньков», и среди них, трусливо озираясь по сторонам, были вкраплены те, кого давно искал уголовный розыск. Вся эта разношерстная публика с подобострастием рассматривала того, который так долго и так много заставлял о себе говорить.

– Он убежит, – говорили они, глядя на независимое лицо «героя процесса».

Говорили об этом не потому, что допускали возможность побега, а потому, что не верилось, чтобы он, Ленка Пантелеев, сдался так просто.

Все меры к предупреждению побега были приняты. Скамья подсудимых постоянно была окружена усиленным отрядом конвоиров. За каждым движением Ленки Пантелеева следили, и, куда бы он ни шел, за ним обязательно шли два конвоира.

Он не мог убежать...

На суде оба они – и Пантелеев, и его спутник Гавриков – признали себя виновными, заявив лишь, что с их стороны не было вооруженного сопротивления при аресте.

Несмотря на все его страшные дела, Пантелеев произвел на всех весьма благоприятное впечатление. В прошлом наборщик Пантелеев до своих бандитских выступлений ни в чем дурном замечен не был, вел честный образ жизни, и нельзя было сказать, что в 18-летнем юноше заложены такие «возможности».

Когда была организована Красная Армия, Пантелеев поступил добровольцем, был отправлен на фронт, попал в плен, бежал и снова вступил в ряды Красной Армии. Затем он работал в органах Чрезвычайной комиссии, где занимал подчас ответственные посты и выполнял весьма ответственные поручения. Так было до 1921 года, когда он свихнулся. Было ли какое-либо основание, или это были только слухи, но его заподозрили в соучастии в налете. Он был арестован; участие его установить не удалось, его освободили, но на службу, конечно, обратно уже не приняли.

Тут наступил перелом. Пантелеев познакомился с рецидивистом Беловым и выработался в преступника-налетчика.

Долго рассказывал Пантелеев суду о том, как и какие были им совершены налеты. Он ничего не отрицал, но и ничего не прибавлял к тому, что было добыто с тяжелым трудом предварительным следствием. Он лишь не признавал вины в убийстве начальника охраны Государственного банка Чмутова, говоря, что убил его совершенно случайно.

Он, вполне понятно, избегал взять на себя «мокрое дело» и хотел сохранить за собой ореол бандита, но не убийцы.

Пантелеев жаловался, что ему не везло. «Не везло» с точки зрения бандита: там потратил много трудов, а взял на небольшую сумму; в другом месте как будто бы все обстояло благополучно – как, например, в деле налета на квартиру доктора Левина, где была взята крупная сумма, – но испортил дело наводчик, племянник доктора Раев, надувший его и забравший себе большую часть награбленного.

Вообще, по рассказам Пантелеева, «деятельность» бандита – удовольствие дорогое: всюду приходится «смазывать», за дешевку продавать маклакам ценности, содержать несколько квартир. «Неприятностей» не оберешься...

Допрос Пантелеева закончился, и он снова занял свое место на скамье подсудимых рядом с Гавриковым. Цепь, которая была на время допроса снята, снова была скреплена, и Гавриков вместе с Пантелеевым опять были связаны. Заседание трибунала было в тот день закрыто.

Конвой удвоен. Револьверы на изготовку, шашки наголо. И за этой непроницаемой стеной сверкающих кольтов и обнаженных шашек Пантелеев, а за ним и вся его свита выведены были из здания трибунала.

Пантелеев, конечно, не убежал.

Бежать было немыслимо, и, когда за «партией» закрылись тяжелые двери 3-го дома заключения, когда Гаврикова, Пантелеева и других развели по камерам, все успокоилось. Самое трудное сделано. Теперь Пантелеев в надежном месте за решеткой, за многими дверями, за крепкой охраной...

Комендант трибунала, сопровождавший «партию», с чувством исполненного служебного долга возвратился обратно.

Еще полчаса, и в исправдоме все стихло.

Это была памятная ночь – с 10 на 11 ноября 1922 года. Памятная, конечно, для 3-го исправдома, так как в эту ночь свершилось то, что редко случается в исправдомах...

Пантелеев и Гавриков в 12 часу ночи были приняты начальником исправдома и районным надзирателем и размещены по камерам, которые были закрыты на ключ. Пантелеев был заключен в камеру № 196, Гавриков в камеру № 185 – оба в четвертой галерее.

Утром, когда заседание трибунала вновь открыли, еще очень немногие знали о том, что произошло в эту ночь.

Весь зал замер, когда председатель трибунала огласил телефонограмму начальника исправдома о бегстве Пантелеева и Гаврикова.

Несколько минут было тихо. Потом все взоры невольно обратились на скамью подсудимых как бы для того, чтобы проверить, действительно ли место Пантелеева и Гаврикова пусто. Думали, что их умышленно не ввели в зал или что их доставка задержалась. Никто не верил в возможность этого невероятного побега.

Пантелеев и Гавриков бежали...

И хотя еще никто не знал, как это произошло, но все себе представляли, что это было какое-то головокружительное бегство, что и бежал Пантелеев «по-пантелеевски»...

Трибунал продолжал свои заседания.

Все были уверены, что Пантелееву далеко не уйти, что его сегодня же поймают. Все знали, что о бегстве сообщено всюду, что охраняются вокзалы, что все агенты уголовного розыска брошены в город на поиски.

Оставшиеся на скамье подсудимых обвиняемые, каждый по-своему, старались использовать бегство главаря шайки. Спасая свою шкуру, каждый из них старался взвалить все на Пантелеева, и некоторые даже в увлечении настолько перебарщивали, что приписывали Пантелееву какое-то невероятное влияние, при помощи которого он из них, «честных и порядочных людей», сделал бандитов.

Так Бартуш, человек с достаточной инициативой и даже организаторскими способностями, скромно потупив глаза, говорил о своем вчерашнем начальнике как о гнусной личности, которая его не то силой, не то нравственным воздействием заставила принять участие в «деле». Он даже говорил, что Пантелеев угрожал ему револьвером, и ссылаясь при этом на участницу шайки Друговейко. Последняя, однако, наотрез отрицала это и подтверждала, что Бартуш был совершенно самостоятелен.

Сама же она, в свою очередь, отрицала соучастие в налете и взваливала всю вину на подругу свою Луде (впоследствии разысканную и судившуюся по делу пойманного Гаврикова), которая, мол, не хуже ее знала расположение комнат в квартире Богачевых.

Простачком рисовал себя участник шайки Варшулевич. Он жил в одной комнате с Ленкой, но ничего не знал о его деятельности. Да, он продавал меха, взятые у Богачевых, но откуда он мог знать, где их взял на самом деле Пантелеев, и почему ему было не верить Пантелееву, что меха его собственные.

Также и в налете на квартиру доктора Грилихеса наводчики Франченко и Михайлова совершенно отрицали свою вину, подтверждали, что показания на следствии они давали под угрозой револьвера... доктора Грилихеса, который присутствовал при допросе.

По этому эпизоду допрашивался герой наркоманов с угла Пушкинской и проспекта 25-го Октября известный кокаинист Вольман. Но не только кокаин был предметом оборота «торгового дома Вольмана». Он был подручным Пантелеева во всем что угодно. Пантелееву нужно было продать взятые у Богачева меха – Вольман к его услугам. Пантелееву нужны патроны – Вольман их достает. Нужен револьвер – опять Вольман.

Пантелеев и Вольман были связаны старой дружбой, знакомством по тюрьме, когда Пантелеев сидел по подозрению в налете, а Вольман – по подозрению в спекуляции. И уже тогда Вольман знал, что собой представляет Пантелеев.

Вольман, однако, хитер. Пантелеева нет, и он, отрекаясь от своих показаний на следствии, валит все на забывчивость и на то, что говорил он раньше из боязни мести Пантелеева...

Так целую неделю трибунал разворачивал одно за другим дела Пантелеева без Пантелеева. Все это были самые обыкновенные налеты, мало чем разнившиеся от дел других бандитов.

К расстрелу трибуналом был приговорен участник одного из дел Акчурин. Вольман и скупщик краденых мехов Кузнецов были приговорены к 6 годам лишения свободы. Акчурину впоследствии по амнистии расстрел был заменен 10 годами заключения со строгой изоляцией, а Вольману, Кузнецову и другим наказание было сокращено на одну треть.

Члены шайки, исполнители были изолированы, а «душа» шайки гулял на свободе. Пантелеев исчез.

Как они бежали

Побег Пантелеева и его шайки из 3-го исправдома был тщательно разработан, но удался лишь благодаря случайному стечению обстоятельств.

Еще 7 ноября предполагался массовый побег из 3-го исправдома. Еще тогда были открыты некоторые камеры, где сидели бандиты. Согласно выработанному плану, содействовавший побегу надзиратель 4-й галереи Иван Кондратьев за 20 миллиардов рублей должен был помочь бандитам – он должен был «заговорить» другого надзирателя; в это время бандит Рейнтоп, Сашка Пан, должен был открыть камеры Пантелеева и Лисенкова – Мишки Корявого.

Так и было сделано.

7 ноября, около 4 часов, ночи в камеру Лисенкова вошел Рейнтоп, забрал одеяло и простыни и унес к себе в камеру. Там одеяло было разорвано на длинные полосы и связано.

8 дальнейшем должны были пригласить надзирателя Васильева выпить чай и в этот момент его связать. Надзиратель же Кондратьев в это время должен был находиться в дежур-

ной комнате. Пантелеев с шайкой предполагали спуститься по связанной из лоскутов простыни веревке вниз. К этому времени надзиратель Кондратьев должен был спуститься вниз, якобы для проверки главного поста и... тут его для видимости должны были связать. Условным знаком для выхода Кондратьева вниз было тушение огня.

В этот день, однако, бежать не удалось. Надзиратель Васильев, хотя и вошел в камеру, налил себе чаю, но... пошел его допивать в дежурную.

Побег не состоялся...

В день суда, 10 ноября, Ленка Пантелеев, вернувшись из трибунала, проходя по галерее, сказал находившемуся там в заключении убийце-грабителю Иванову-Раковскому: «Мне – левак (т. е. расстрел), надо бежать».

По камерам бандитов разместил надзиратель Кондратьев: Пантелеев содержался в камере № 196, Лисенков в соседней – № 195, Рейнтоп – поблизости, в камере № 191, и еще немного дальше Гавриков – в камере № 185.

Во тьме

Некоторое время в исправдоме царила тишина.

Вдруг погасло электричество. Весь исправдом освещался всего-навсего одной висячей 500-свечевой электрической лампой, и эта лампа погасла.

Тюрьма погрузилась во мрак.

Еще мгновение, и свет снова загорелся.

Где-то хлопнула дверь.

Затем снова погасло электричество.

Снова зажглось.

И так несколько раз.

В последний раз электричество погасло около половина пятого утра.

Электричество гасло, конечно, не от порчи. Чья-то таинственная рука дотронулась до штепселя, находившегося у выхода из 4-й галереи, почти совсем рядом с тем столиком, где должен был нести дежурство постовой надзиратель Васильев.

Должен был, но и только. В это время по странному стечению обстоятельств Васильева на посту не было. Он ушел греться в дежурную комнату.

3 часа ночи. В тюрьме еще все спит. 3 часа 5 минут – все еще тихо.

3 часа 10 минут – надзиратель Кондратьев ушел в дежурную комнату. Через несколько минут сюда же приходит надзиратель Васильев. Через 20 минут он отправляется к себе на пост в 4-ю галерею. За ним прошел и Кондратьев. И в этот самый момент погасло электричество.

В исправдоме тревога. Кондратьев бросается в камеру заключенного Немтина, исполнявшего обязанности монтера исправдома. Немтин не отзывается.

В исправдоме все еще темно. По галерее мечутся какие-то тени.

Вдруг со второй галереи крик:

– Вон там какая-то тень!

Это кричит задремавшая было надзирательница 2-й галереи Романова.

Кондратьев бросается по направлению к тени. Возвращается обратно.

Свет уже горит. В тот же момент обнаруживается побег заключенных.

Наутро в исправдоме все на ногах. Прокурор и старший следователь производят осмотр места побега. Исследуется каждая пядь, осматривается каждый винт. Устанавливается, что камеры, в которых содержались бежавшие, были открыты без повреждения замков. Открыта также дверь в комнату свиданий. Открыты двери камеры, выходящей на пост и сообщающейся с комнатой свиданий. В коридоре, прилегающем к комнате свиданий, оторвана доска, прикрывавшая небольшое окошко, ведущее в коридор при кухне. Висячий замок на кухонной двери

сбит. Кухонное окно, ведущее во двор, открыто. В комнате свиданий обнаружен кусок железной трубы. Такой же кусок нашли у лестницы на второй галерее.

Путь побега

Спустившись по винтовой лестнице с 4-й галереи на 1-ю, беглецы прошли к выходу на главный пост и через камеру, ведущую в комнату свиданий, прошли в коридор. Здесь они оторвали доску, прикрывавшую окошечко, которое вело в коридор кухни. Затем они проникли на кухню через окно, через окно же спрыгнули во двор, а затем через забор вышли на улицу и скрылись.

Гавриков, бежавший в эту ночь, впоследствии, когда он был пойман, рассказывал, что около 4 часов ночи его разбудил Пан, сказавший ему: «Выходи». Он вышел. Надзиратели во всех галереях крепко спали. Пан погасил свет в исправдоме, и они стали спускаться по винтовой лестнице. К ним присоединился Пантелеев. Они спустились в комнату свиданий, и Пантелеев стал ломать окно, выходящее на кухню.

Когда все трое уже находились на кухне, они услышали какие-то шаги. Бандиты испугались и приготовились было к обороне. Но это оказался Михаил Лисенков, запоздавший почему-то.

Выйдя во двор, беглецы заметили, что в пекарне исправдома идет работа. Беглецов, однако, никто не заметил. Перепрыгнув на улицу, бандиты пожали друг другу руки, и Пантелеев и Гавриков пошли к Неве по направлению к Николаевскому мосту, Лисенков же и Рейнтоп направились к Марсову полю.

Любопытнее всего, что за несколько дней до этого Пантелеев и Гавриков были тщательно обысканы. Но так как у них ничего не нашли, все успокоилось. Вот как обстояло дело, по словам надзирателя Васильева. Он знал, что в 4-й галерее сидят особо тяжкие преступники. И он лишь на 20 минут вышел погреться... а в это время и совершился побег.

Более подробно рассказал о побеге бандит-убийца Иванов-Раковский, находившийся в это время под следствием по делу об убийстве рабочих Тентелевского химического завода и похищении платины. Он подтвердил, что побег предполагался 7 ноября, что еще тогда Рейнтоп приготовил ключи, что бандиты в этот день должны были получить оружие от брата Гаврикова – Семена Гаврикова, причем за револьверами должен был идти тот же Кондратьев. Кроме того, по его словам, предполагалось выкрасть оружие из несгораемого шкафа канцелярии исправдома и захватить несколько винтовок. Кондратьев, однако, не принес револьвера...

В день побега 10 ноября свет должен был погасить бандит Шатковский – Пан-Валет, член той же знаменитой шайки Панов. В эту ночь в камере у Иванова-Раковского и Лисенкова сидел в гостях Кондратьев. Иванов-Раковский заснул, а когда проснулся, Кондратьева уже не было. Дверь камеры была открыта. Ночью Лисенков схватил Иванова-Раковского за голову и шепнул ему: «Идем». Иванов-Раковский вскочил, оделся. Лисенков заглянул в камеру Пантелеева и сидевшего с ним кокаиниста Вольмана и сказал: «Ушли». Затем он приказал Иванову-Раковскому снять сапоги, и оба они стали спускаться с лестницы. В это время свет был погашен. Лисенков тащил Иванова-Раковского за руку. Но у самой лестницы они столкнулись с надзирателем Васильевым, который шел к ним навстречу... Иванов-Раковский вырвался и побежал обратно в камеру, Лисенков же исчез.

По признанию Кондратьева, за побег ему обещали 20 миллиардов рублей. Кроме побега он должен был содействовать бандитам достать яд, которым предполагалось одурманить одного из надзирателей...

Недолго бежавшие гуляли на свободе. Прежде всех попался ближайший помощник Леньки Пантелеева – Гавриков. Попался, понятно, на бандитском деле, которым он, как и остальные члены шайки, продолжал заниматься после побега.

Гаврикову не повезло. У ресторана «Донон» он закончил свою «славную карьеру»...

Соучастник всех налетов Пантелеева, Гавриков один предстал перед судом трибунала 31 декабря 1922 года.

Правда, на скамье подсудимых он был не один. С ним были еще трое: наводчица налетчиков на квартиру Богачева – Лидия Луде, пойманная незадолго до суда, и участники ограбления артельщика пожарного телеграфа – Абдульменов и Зайцева.

Как и всегда, веря в свою счастливую звезду, Гавриков и теперь, второй раз, в трибунале держался спокойно, изредка улыбаясь. Затем он вновь переживал все свои бандитские похождения и, когда судом оглашались рискованные моменты его деятельности, болезненно улыбался, припоминая свою последнюю неудачу у ресторана «Донон».

Гавриков покался во всех своих преступлениях.

– Я говорю правду, – сказал он. – Я знаю, что мне все равно выхода не будет, и не жду, чтобы меня спрашивали.

Последняя повесть

Гавриков рассказал трибуналу все подробности известного уже нам побега из 3-го исправдома.

Жили Гавриков и Пантелеев после побега как бродяги. Ночевали, главным образом, в воинских кассах вокзала Октябрьской дороги. Когда же приходил контроль для проверки документов – бандиты ловко уходили; после ухода контроля они возвращались туда же.

В Ленинграде бандиты предполагали прожить месяц-полтора, а после этого уехать.

Гавриков спокойно рассказал свою последнюю повесть и спокойно же выслушал приговор трибунала: к расстрелу.

Гавриков подал прошение о помиловании, в котором сам признавал, что за преступления, им совершенные, «не должно быть преград для наказания», но что он понял всю тяжесть совершенного, «что он молод, мало жил и не богат жизненным опытом» и что был «в руках Леньки Пантелеева».

Прошение о помиловании было оставлено без последствий. Гавриков был расстрелян. Он до последней минуты рассчитывал, что вот-вот откуда-то придет помощь, откуда-то явится Пантелеев и спасет его. И никак не мог примириться с тем, что все погибло.

После побега

Гавриков в трибунале был не совсем откровенен. Более откровенным он был на тех многочисленных допросах, которым подвергался в 1-й бригаде угрозыска и у следователя трибунала. Но даже эти показания на нескольких десятках листах не дают полного представления о «делах» и «подвигах» шайки. А «подвигов» было немало.

Показания расстрелянного Гаврикова дали уголовному розыску ряд ценных данных. К уже известным «ходам» Пантелеева прибавилось еще несколько.

После бегства из 3-го исправдома (Ленинградского Дома Заключения), которое произошло в ночь на 11 ноября 1922 года, Гавриков пробыл на свободе почти целый месяц и участвовал в целом ряде налетов и грабежей. Этот месяц был для шайки месяцем наиболее тяжелых испытаний, но вместе с тем наиболее богатым по «жатве», которую она собрала.

В ночь побега, 11 ноября, стояла холодная, слегка морозная погода. Улицы, даже центральные, были безлюдны. Лишь изредка вдоль домов и заборов одиноко, как бы крадучись, мелькали тени прохожих. Осторожно, боязливо озираясь, пробирался мимо исправдома «путник запоздалый» в серой шинели.

Это был год серой шинели – серой шинели, которая говорила о том, что владелец ее небогат. Серый цвет был защитным цветом от бандитов и грабителей, и даже самый настоящий щеголь предпочитал надеть ночью серую шинель, которая если и не давала полной гарантии, то уже в некоторой степени обеспечивала от случайностей неприятной встречи.

Впереди высился мрачной громадой каменный двухсаженный забор 3-го исправдома. Приблизившись к забору, серая шинель увидела на нем черную тень. Шинель в ужасе отпрянула.

Тень тоже остановилась.

Шинель секунду-две стояла тихо, а потом, рассчитав, очевидно, что-то, кинулась без оглядки бежать.

– Выходи, свободно! – обернувшись назад, во двор исправдома, сказала тень и легко и мягко спрыгнула в снежный сугроб.

Это был Ленка Пантелеев.

Вслед за ним один за другим на снег спрыгнули Лисенков (Мишка Корявый), Рейнтоп (Сашка Пан) и Гавриков.

Озираясь по сторонам, как затравленные волки, видимо раздумывая, в какую сторону направиться, четыре тени несколько мгновений постояли у забора.

Затем две тени отделились и, быстро перебегая с одной стороны на другую, направились к Литейному мосту, а оттуда по набережной Невы к площади Жертв Революции (Марсово поле).

Это были Лисенков и Рейнтоп.

Их высокие тени растаяли во мгле ленинградской ночи... Еще несколько секунд похрустел снег под их ногами, и все стихло.

Где они прятались?

Гавриков и Пантелеев, выждав еще минуту и не слыша тревоги, спокойно пошли по тому же направлению и, свернув у здания Военно-медицинской академии направо, зашагали через Петроградскую сторону к мосту Лейтенанта Шмидта (б. Николаевскому).

На улице по-прежнему все было тихо... Вдруг раздался тревожный свисток. В исправдоме спохватились. Побег был обнаружен, но беглецы были уже далеко...

По рассказам Гаврикова, он и Пантелеев после бегства засели в развалинах трехэтажного дома и в жестокую стужу пробыли там больше суток.

Выждав, когда все стихло, они отправились ночевать к своим друзьям, радостно встретившим своего главаря. Места ночевки они все время меняли, преимущественно в районе реки Пряжки. Там у Ленки Пантелеева были свои квартиры, и в них свои соучастники. Он знал, что агенты стерегут его на каждом шагу и что в случае поимки ему пощады не будет.

Ленка решил свою жизнь дешево не отдавать.

Первой их заботой было одеться и вооружиться. На Обуховской толкучке они купили четыре револьвера – Ленка взял себе два браунинга, а Гавриков – маузер и наган. Реализовав бриллиант в два карата, припрятанный с «дела» – налета на доктора Левина, Ленка сам оделся и одел Гаврикова. Бандиты купили сапоги, шинели, кожаные куртки и неизменные буденовки. Добыв себе «липы» (фальшивые документы), бандиты отправились на заработки.

«Модное» занятие

Для начала Пантелеев и Гавриков занялись «модным» по тем временам бандитским делом – раздеванием запоздалых прохожих.

Как ни было запугано население частью правдивыми, а большей частью ложными рассказами о ночных ограблениях, все же были смельчаки, ходившие ночью по улицам.

Гавриков и Пантелеев облюбовали себе широкое Марсово поле и ежевечерне залегали на откосе Лебяжьей канавки. Не страшила их где-то вдали маячившая одинокая фигура милиционера, совершавшего свой обход района.

Наметив себе жертву, Гавриков и Пантелеев выскакивали, наставляли револьверы и без единого слова и без малейшего сопротивления донага раздевали прохожего, безмолвно, без попытки к сопротивлению отдававшего все, что на нем было. Ходила легенда, что «Ленька пролетариев не раздевает». Это – чистейшая ложь. Жертвами Пантелеева были все – без различия класса, пола и возраста. Лишь бы у них было хоть какое-нибудь «барахло».

Не успеет ограбленный прийти в себя, как грабителей и след простыл. Они исчезали за откосом канала... Кто был посмелее, тот поднимал крик, а потрусливее – покорно шагал по направлению к ближайшему огню.

Тем временем наступал черед новой жертвы, которую постигала та же участь.

Совершив несколько таких грабежей, обычно не более четырех в ночь, Пантелеев и Гавриков отправлялись в ближайшую хазу, куда немедленно вызывали маклака, за бесценку покупавшего награбленное ими «барахло».

Но недолго орудовали на Марсовом поле Пантелеев и Гавриков. Уголовный розыск, узнав, что там стали «пошаливать», установил за Марсовым полем усиленное наблюдение агентов. Но у Пантелеева были свои «агенты», сообщившие ему об этом, и он поспешил «сняться с якоря».

Деятельность бандитов перекинулась в район Сергиевской (ныне улицы Чайковского) и Кирочной улиц, где населенность была весьма слабой. Здесь ими был совершен ряд «мокрых» нападений, сопряженных с убийством. В числе жертв был инженер Студенцов с женой. Пантелееву, как потом рассказывал Гавриков, показалось, что Студенцов вынимает из кармана револьвер, и он убил его и его жену.

Встреча с надзирателем Кондратьевым

Таких грабежей было совершено ими около 20, но прибыли бандиты получили мало. Пантелеев задумал организовать шайку для более выгодных дел.

Время от времени Гавриков и Пантелеев встречались с Рейнтопом и Лисенковым, но пока они остерегались работать вкупе: вчетвером – опасней.

Был у бандитов еще сообщник, которому они обязаны были своей свободой, – это надзиратель Кондратьев. Бандиты сдержали слово и встретились с ним.

Встреча была назначена еще при побеге «через три дня», а в случае невозможности, «в среду на каждой неделе». Место встречи – Обводный канал под Американским мостом.

Пантелеев не знал еще тогда об аресте Кондратьева.

Вся шайка отправилась к назначенному времени на Обводный канал...

К этому же времени уголовным розыском туда же был доставлен Кондратьев, находившийся под охраной полудюжины револьверов переодетых агентов.

Осторожный Пантелеев заметил, что кто-то следит за Кондратьевым, и немедленно скрылся.

Шайка организована

Пантелеев встретился с Рейнтопом и Лисенковым и сразу же наметил для «совместной работы» несколько квартир, которые ему указали его осведомители.

На другой же день было совершено ими зверское убийство и налет на Екатерининском канале.

Пробравшись в квартиру профессора Романченко, бандиты убили его и тяжело ранили его жену. Была также убита бросившаяся на грабителей собака. Разгромив квартиру, бандиты скрылись с добычей.

Уголовному розыску удалось установить, что квартиру «дал» проживавший в том же доме соучастник Пантелеева, но следов преступников сразу обнаружить не удалось.

За этим кровавым делом последовало скоро другое. Через два дня была разгромлена еще квартира, а за ней – третья.

Были мобилизованы лучшие работники уголовного розыска и влиты в ударную группу ГПУ. Были изучены почти все норы и места, где бывал Пантелеев. Но у него было столько убежищ, что сразу окружить его и ликвидировать вместе с шайкой было невозможно.

Пантелеев знал о том, что за ним зорко следят, и стал еще более осторожен. Подозрительность не давала ему покоя и превратилась в манию преследования... Он знал, что кольцо вокруг него сужается, и метался с одной квартиры на другую, нигде больше одной ночи не оставаясь. Спал с револьвером в руках... Видел в каждом агента угрозыска.

Однажды, когда он проходил по Столярному переулку, ему показалось, что за ним идет агент. Он обернулся и, увидев смотревшего на него матроса, мгновенно двумя выстрелами уложил его на месте.

В другой раз он ранил агента уголовного розыска, не имевшего никакого отношения к поискам шайки.

Стрелял Пантелеев метко. Как рассказывал на одном из последних допросов Гавриков, он с Пантелеевым специально ходил на острова, на Стрелку, пристреливать свои револьверы.

Гавриков не расставался с Пантелеевым: вместе готовились, вместе убивали и грабили. Но не удалось Гаврикову закончить свою деятельность вместе с Пантелеевым. Его «карьеру», как мы уже сказали, закончила раньше, у «Донона».

Вот как это произошло.

Случай у «Донона»

Было это в декабре 1922 года, за несколько дней до Нового года. Бывший ресторан «Донон», расположенный на Мойке, у Певческого моста, в стороне от проспекта 25-го Октября, приходился как раз напротив дома уголовного розыска. Но это не смущало Пантелеева. «Приманка» – богатые посетители «Донона» – были чересчур богатой добычей.

Это были первые, медовые месяцы НЭПа, НЭПа «выпуска 1922 года». «Донон» был не меньшей приманкой для королей НЭПа, чем они – для Пантелеева.

У «Донона» были вино и водка. Седовласый швейцар «довоенной крепости» особым звонком всегда давал знать в зал о приближении милиции. И, как по мановению жезла, вино исчезало со столиков, и лишь пьяные лица «королей» напоминали об исчезнувших таинственно бутылках с зельем.

Когда полупьяные Пантелеев и Гавриков ввалились в переднюю «Донона», швейцар, и ночью во сне видевший милиционера и умевший различать его среди тысяч народа (милиция тогда не носила формы), сразу же почувствовал неладное. Он дал звонок в зал, мгновенно все засуетились, и были приняты меры предосторожности. В переднюю выбежал дежурный метрдотель, специальностью которого было улаживание «недоразумений». Увидев, однако, не милиционеров, а пьяных, которые о чем-то скандалили, он позвонил в милицию, откуда немедленно прибыл наряд.

Когда Пантелеев обернулся, он увидел входивших в длинный двор «Донона» милиционеров. Сразу протрезвев, он схватил Гаврикова за рукав и кинулся с ним во двор. Там они спрятались в подвале между дровами. Но их разыскали и арестовали.

Никому и в голову не могло прийти, что это Пантелеев и Гавриков, те самые, которых искали по всему городу. Это и спасло Пантелеева. Когда его под конвоем привели под ворота дома, он сильным ударом кулака хватил стоявшего у железной калитки ворот милиционера, ногой ударил в живот дворника и, отстреливаясь, выбежал на набережную Мойки...

Счастье помогло

В Пантелеева стреляли. Он был ранен в левую руку. Но не остановился и побежал по направлению к Марсову полю. Выбежав к Инженерному замку, он перелез через забор и спрятался в колоннах Пантелеймоновской церкви.

К этому времени Гавриков был уже опознан. Было сообщено в угрозыск, и буквально через несколько секунд (шутка сказать: Пантелеев!) прибыли на место агенты с собакой-ищейкой. По кровавому следу собака довела до Марсова поля. Дальше след терялся. Наугад агенты и милиция пошли по Пантелеймоновской, прошли мимо церкви и не заметили лежавшего там Пантелеева...

Замерли шаги агентов. Все стихло. Стянув раненую руку платком, Пантелеев медленно и осторожно поднялся...

Никого!

И Пантелеев исчез.

Гавриков уже тем временем был допрошен, и в результате в целом ряде «верных», вчера еще безопасных квартир сидели засады...

Осторожный Пантелеев это чувствовал.

Он решил отправиться в одну из отдаленных квартир на Пряжке. По проспекту Володарского вышел на пустынный проспект 25-го Октября, где уже к тому времени ходили дозоры, искавшие Пантелеева. Не доходя до Садовой, Пантелеев едва-едва не попался... Лишь исключительное счастье спасло его на этот раз от неминуемого ареста.

Увидев приближавшийся дозор, Пантелеев присел на каменную тумбу напротив ворот одного из домов и, подняв высокий воротник своего тулупа, притворился... спящим ночным дворником.

– Не видал ли такого-то? – спросил один из дозорных и сказал Пантелееву его же приметы.

– Не, не знаю, я всего три дня как из деревни приехавши, – прикинулся простаком Пантелеев.

Дозор прошел, а Пантелеев, выждав минуту, пошел дальше. Он снова скрылся...

Конец «славы»

Чувствуя, что скоро придется дать ответ за все свои дела, что терять уже нечего, Пантелеев, как проигравшийся игрок, становился все наглее и наглее. Окруженный «достойными» по наглости и жестокости сподвижниками, вместе с ним накопившими разбойный опыт, Ленка Пантелеев стал теперь выходить на «работу» не только ночью, но и днем.

Последний месяц этой кровавой «работы» его был месяцем отчаянных налетов – не только налетов, а также и уличных грабежей. «Статистика» его кровавого пути устанавливает, что за это время он вместе с Мишкой Корявым (Лисенковым) и Сашкой Паном (Рейнтопом) совершил 10 убийств, около 20 уличных грабежей и 15 вооруженных налетов.

В числе этих убийств были «бесплодные», ничего не давшие Пантелееву. Такой жертвой стал возвращавшийся на извозчике вечером с бала с девицей некий Иванов. На Боровой улице извозчик был остановлен грозным окриком. На него уставились два дула револьверов... Лошадь испугалась и понесла.

Пантелеев (он был на этот раз один) выстрелил Иванову вдогонку и нанес смертельную рану. Пантелеев не взял у него ничего... кроме жизни.

Чужая близость конца, Пантелеев ожесточенно проливал кровь неповинных жертв.

Уголовный розыск и ударная группа ГПУ, выделившие на «дело Пантелеева» лучших работников, каждый день выхватывали у Пантелеева по хазе. И несмотря на то, что у него было много этих убежищ, с каждым днем ему приходилось быть все осторожнее и раньше чем идти на ночевку узнавать, цела ли хаза и не ждет ли его там засада.

Агенты, работавшие по «делу Пантелеева», в течение последних двух недель буквально не слезали с автомобилей. В городе было размещено до 20 засад. То и дело поступали новые сведения, сообщавшие о каждом шаге Пантелеева. Агенты ходили по следам бандита, и он каждые полчаса менял место.

Теперь ему было уже не до налетов и грабежей. Пантелеев думал только о том, как бы спасти свою шкуру.

«Герой Лиговской панели» превратился в полусумасшедшего. От его бывшего «блеска» не осталось и следа. Он видел, как одну за другой ликвидировал угрозыск бандитские шайки. Он знал, что его ждет расстрел, что развязка близка.

Чуть не попался

Однажды, рискнув проверить одну из хаз, он отправился к своему приятелю маклаку на улицу 3-го Июля близ Сенного рынка.

Поднявшись на 6 этаж, он позвонил. Дверь отперли... Навстречу ему протянулось дуло револьвера.

Пантелеев не растерялся.

Секунда, и передняя заволочлась пороховым дымом. Со всех сторон стреляли... Когда дым рассеялся, Пантелеева уже не было... Он исчез, но ненадолго.

Он уже был в тисках. Метнулся в другую хазу – тоже засада... В третью – тоже...

Лишь к вечеру ему удалось найти приют. Но и здесь он пробыл недолго – всего два часа: и об этом пристанище Пантелеева уже стало известно угрозыску.

Так прошло еще несколько дней.

Пантелеев осунулся. Его бегавшие глаза дикого зверя устало смотрели вперед, не видя ничего отрадного.

За день до поимки Пантелееву еще раз, но уже в последний раз, удалось убежать... В этот же день едва не попался Мишка Корявый, так же как и Пантелеев, метавшийся по городу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.